

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Mi hermana

Груститесь? Глупость. Погрусти,
коль в этом есть необходимость.
Я знаю, какво расти
быстрее срастаемой кости
с восьми до грёбанных шести.
Mi genio linda, buenos dias.

Менять оленей на рога.
Бороться с обществом и мамой.
Стрелять мечтой по облакам,
держат за руку ураган...
Неравен бой. К твоим ногам
mundo entero – todo y nada.

Мы видим сны, которым нет
ответа ни в единой книге, –
да и на что тебе ответ?
Он весит лишних сорок лет,
а нам достанется билет
в иные жизни, mi amiga.

Не бойся! Вот моя рука.
Достанем крылья из кармана –
и образумимся пока...
Так ночь бывает коротка.
Так сочиняется строка:

te quiero mucho, mi hermana.

Сон «Москва-Питер»

Вот ведь обидно: я сплю в Москве – а снится зачем-то Питер!
Вот я купаю мизинец в Неве, надеваю цветастый свитер,
забираюсь на крышу (естественно, крыши – питерское клише)
и звучу над городом громче и чище самых громких и чистых вещей,

и скачу по зелёной макушке весны, и швыряю весну в Семимостье,
я в зодиаке теперь – весы, потому что проснулась осенью,
и увидела, как протекает Фонтанка сквозь пальцы, из крана капая,
а за окном из гнезда Останкино вылетают Чижики в лапы мне,
я дую на них – они воспаряют мыльными пузырями.

И небо отныне всё в пузырях, и, пожалуй, случились зря мы
между двух городов.

Окольцован свет

Третьим транспортным безымянно...

Вот ведь обидно: я сплю в Москве – и будто Москве изменяю.

Мир лежит на спине, подставив веснушки Марсу.
Мир лежит на спине – крохотный и безымянный.
Мир лежит. А под ним бегут, а в него стучатся
волны каждого из всемирнейших океанов.

– Открывай, – говорят, – здесь темно, – говорят, – и страшно!
Здесь ко дну, – говорят, – как будто прилипли камни,
они что-то кричат на неведомом черепашьем,
но страшнее всего – когда они замолкают.

Забери нас, пожалуйста, дай просочиться в кожу,
мы наполним тебя живой изумрудной влагой,
мы с тобой – водород с кислородом, мы так похожи...
Мир вдыхает волну за волной.
Мир впивает волну за волной.
Мир листает волну за волной,
и вода с этих пор – бумага.

Мир лежит на спине: чистый лист, ни полос, ни пятен.
Тишина, за которой слову родиться легче.
В тишину ударяют камни – гвоздём в распятыё,
оставляют следы и тонут, и Миру легче,
но если прислушаться – вот что они лепечут:

– Ты лежишь на спине и не знаешь о нас ни строчки.
А ведь нас придумали же, оторвали же, спьяну, с корнем,
каждому дали имя, вдохнули почерк,
да и пустили сплеча в ледяное море –

нас, хранящих доселе по отпечатку солнц.
Вымечтали, забыли вовремя отпустить.
Мы должны были стать людьми. Сотвори нас хотя бы мифами...
Мир отрывает от сердца большой кусок с
тонкими рифмами, тёплыми, как песок,
пронесённый в кармане с запада на восток.
Рифмам отныне – сквозь многие штормы плыть.

Сбереги их, Господь, от рифов!..

Плывущему – море,
плывущему – город,
и в счастье, и в горе
блажен, кто плывущ.

Смотри! – вместо мира крохотного,
из стихоплети грохота,
рождается полушёпотом
книга огромных душ...

...Солнце скалится сверху жёлтым осколком бус.
Зной обнимает мир, зной солонит на вкус.
Соль изменяет суть, превращаясь в соло.

С берега Мир зовут поедать арбуз.
Мир отфыркивается, цепляет ногой медуз

и плывёт на голос.